

БОЛЬШОЙ
РОМАН

ДЖОЙС КЭРОЛ
ОУТС
Блондинка

РОМАН

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
О 90

Joyce Carol Oates
BLONDE

Copyright © 2009 by The Ontario Review
Published by arrangement with Ecco, an imprint of HarperCollins Publishers
All rights reserved

Перевод с английского Наталии Рейн

Оформление обложки Вадима Пожидаева

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-19208-9

© Н. В. Рейн (наследник), перевод, 2021
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство ИНОСТРАНКА®

*Посвящается
Элинор Бергстин и Майклу Голдману*

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	11
-----------------	----

ПРОЛОГ

3 августа 1962 г.

Курьерская доставка	17
---------------------------	----

ДЕВОЧКА

1932–1938

Поцелуй	23
Ванна	27
Песочный город	55
Тетя Джесс и дядя Клайв	93
Потеряшка	102
Дары волхвов	108
Сирота	113
Проклятие	122

ДЕВУШКА

1942–1947

Акула	135
«Пора замуж»	136
Подручный бальзамировщика	180
Женушка	190
Война	234
Пинап. 1945	243
По найму	249
Дочь и мать	255
Уродка	265
Колибри	268

ЖЕНЩИНА

1949–1953

Темный Принц	287
«Мисс Золотые Мечты». 1949	290
Возлюбленный	309
Прослушивание	310
Рождение	319
Анджела. 1950	321
Разбитый алтарь	354
Румпельштильцхен	365
Сделка	371
Нелл. 1952	378
Смерть Румпельштильцхена	393
Спасение	401
Эта ночь...	415
Роза. 1953	417
Близнецы	434
Видение	458

«МЭРИЛИН»

1953–1958

«Знаменитость»	463
Маги и чародеи	477
«Все ей мало»	479
Бывший Спортсмен: с первого взгляда	480
«Кипарисы»	483
«Куда уходишь ты, когда исчезаешь?»	499
Бывший Спортсмен и Блондинка-Актриса: свидание	501
«Für Elise»	513
Крик. Песня	520
Бывший Спортсмен и Блондинка-Актриса: предложение	525
После свадьбы: монтаж	550
Американская богиня любви у входа в метро. Нью-Йорк. 1954	600
«Моей прекрасной потерянной Дочери»	603
После развода	605
Утопленница	618
Драматург и Блондинка-Актриса: соблазнение	624

Эмиссар	670
«Танцующие в ночи»	680
Тайна. Непристойность	685
Шери. 1956	686
Танцовщица (из Америки). 1957	709
Царство у моря	718
Прощай	760

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

1959–1962

В знак сочувствия	765
Душечка. 1959	767
Возмутительная красotka	795
Собрание сочинений Мэрилин Монро	802
Снайпер	804
Розлин. 1961	809
Клуб «Зума»	842
Развод (пересъемка)	844
Мой дом. Мое путешествие	856
Президентский Сводник	859
Принц и Нищенка	863
Нищенка влюбилась	869
Президент и Блондинка-Актриса: randevу	878
Рассказы Уайти	893
«С днем рождения, мистер Президент»	900
Курьерская доставка 3 августа 1962 г.	907
«И все мы ушли в мир света»	911

От автора

«Блондинка» — это рафинированная выжимка из «жизни», поданная в форме художественного произведения. Несмотря на внушительный объем романа, образы его построены на синекдохе¹, по принципу обобщения. Так, к примеру, вместо многочисленных домов, где некогда жила и воспитывалась ребенком Норма Джин, в «Блондинке» описан лишь один, вымышленный. Вместо многочисленных любовников, проблем со здоровьем, аборт, попыток самоубийства, ролей в кино в «Блондинке» упоминаются лишь некоторые, самые знаменательные.

Реальная Мэрилин Монро действительно вела нечто вроде дневника и действительно писала стихи, точнее — фрагменты, отрывки в стихотворной форме. Из них в последнюю главу включены лишь две строчки; все остальные стихотворения сочинила автор романа. Некоторые фразы в главе «Собрание сочинений Мэрилин Монро» взяты из реальных интервью, другие вымышлены; строки, приведенные в конце этой главы, завершают труд Чарльза Дарвина «Происхождение видов». Факты биографии Мэрилин Монро следует искать не в «Блондинке» (ибо эта книга не является историческим документом), но в соответствующих трудах биографов. (Автор, к примеру, пользовалась следующей литературой: «Легенда: жизнь и смерть Мэрилин Монро» Фреда Гайлза, 1985; «Богиня: тайны жизни и смерти Мэрилин Монро» Энтони Саммерса, 1986, и «Мэрилин Монро: жизнь актрисы» Карла Э. Роллисона-младшего, 1986. Есть и более субъективные книги, посвященные мифическому аспекту личности Мэрилин Монро: «Мэрилин Монро» Грэма Макканна, 1987, и «Мэрилин» Нормана Мейлера, 1973.) Из книг, описывающих политическую жизнь Америки и особенно Голливуда

---

¹ *Синекдоха* — частный случай метонимии, стилистический оборот, состоящий в употреблении названия большего в значении меньшего, целого в значении части и наоборот. — *Здесь и далее примеч. перев.*

в сороковые и пятидесятые, наиболее полезной оказалась «Называя по именам» Виктора Наваски. Автор также цитирует подлинные труды по актерскому мастерству: например, «Думающее тело» Мэйбл Тодд, «Путь актера» Михаила Чехова, а также «Работа актера над собой» и «Моя жизнь в искусстве» Константина Станиславского. А вот «Настольная книга актера и жизнь актера» и «Парадокс актерского мастерства» — работы вымышленные. «Книга американского патриота» также является плодом авторского воображения. Дважды цитируется в «Блондинке» отрывок из эпилога Г. Дж. Уэллса к роману «Машина времени» (в главах «Колибри», «И все мы ушли в мир света»). Строки из работ Эмили Дикинсон появляются в главах под названиями «Ванна», «Сирота», «Пора замуж». Отрывок из Артура Шопенгауэра «Мир как воля и представление» цитируется в главе «Смерть Румпельштильцхена». Отрывок из труда Зигмунда Фрейда «Недовольство культурой» приводится в перефразированном виде в главе «Снайпер». Выдержки из «Мыслей» Блеза Паскаля цитируются в «Розлин. 1961».

Стоит очутиться в световом кругу при полной темноте, и тотчас почувствуешь себя изолированным от всех. Там, в световом кругу... забываешь о том, что из темноты со всех сторон наблюдает за твоей жизнью много посторонних глаз... то состояние, которое вы испытываете... называется... «публичное одиночество». На спектакле, на глазах тысячной толпы, вы всегда можете замкнуться в одиночество, как улитка в раковину.

Вы можете носить с собой малый круг внимания не только на сцене, но и в самой жизни.

*Константин Станиславский.
Работа актера над собой*

Сцена действия — место священное... Здесь актер умереть не может.

*Майкл Голдман.
Свобода актера*

Гений — это вовсе не дар. Это выход, который изобретает человек в отчаянном положении.

Жан Поль Сартр

Пролог

3 АВГУСТА 1962 Г.

Курьерская доставка

В сумерках цвета сепии на бульвар явилась Смерть.

Смерть была на невзрачном курьерском велосипеде. Тот скрипел, дребезжал, но колеса его крутились исправно, и Смерть неслась к своей цели, словно персонаж детского мультфильма.

Смерть была неумолима. Смерть точно знала, зачем явилась на этот бульвар. Смерть торопилась и потому изо всех сил давила на педали. За сиденьем у Смерти была прочная проволочная корзинка, а в ней лежала посылка с надписью «КУРЬЕРСКАЯ ДОСТАВКА, ОБРАЩАТЬСЯ С ОСТОРОЖНОСТЬЮ».

Смерть стремительно и ловко пробиралась между автомобилями на перекрестке Уилшир и Ла-Брей, где из-за дорожно-ремонтных работ две уилширские полосы, ведущие на запад, слились в одну. Водители, мужчины среднего возраста, гудели в гудки, но Смерть лишь показывала им нос, смеялась: «Да пошли вы все, друзья сердечные!» — и мчалась мимо лакированных крыльев дорогих современных автомобилей, словно Багз Банни.

Смерть не смущал ни душный лос-анджелесский смог, ни теплый радиоактивный воздух Южной Калифорнии. Неудивительно, ведь это были ее родные места.

Да, я видела Смерть, видела ее во сне прошлой ночью. Смерть снилась мне уже много раз, и мне не было страшно.

Смерть явилась прозаично — сторбившись над ржавым рулем своего некрасивого, но надежного велосипеда. Смерть была в калтеховской футболке, выстиранных, но неглаженных шортах цвета хаки, в кедах, но без носков. У Смерти были мускулистые икры, черные волосы на ногах, искривленный костистый позвоночник, юная прыщеватая физиономия и колючий «ежик» на голове. Соображала Смерть уже неважно: солнечные блики на ветровых стеклах и хромированном металле иссекли ей глаза, словно ятаганом.

Сие пышное появление сопровождалось дружным воем гудков и клаксонов у Смерти за спиной. Смерть же невозмутимо жевала жвачку.

Смерть работала по обычному графику — доставка посылок из рук в руки, пять дней в неделю, выходные за дополнительную плату. «*Курьерская доставка Голливуда*».

И вот, когда ее совсем не ждали, Смерть явилась в Brentwood! Смерть мчалась по узким улочкам жилого района, где в августе почти никого не было. Деловито, не сбавляя хода, проезжала мимо трогательных двориков, ухоженных с бессмысленным старанием. Альга-Виста, Кампо, Джакумба, Брайдман, Лос-Оливос, и вот он, нужный тупичок: Пятая Хелена-драйв. Пальмы, бугенвиллеи, красные плетистые розы. Зловоние гниющих цветков. Аромат выгоревшей на солнце травы. Сады, обнесенные стенами. Глицинии. Круглые подъездные дорожки. Шторы на окнах плотно задернуты, чтобы укрыться от солнца.

Смерть привезла посылку без обратного адреса. На коробке был лишь адрес получателя:

ПОМЕСТЬЕ «ММ»
12305, ПЯТАЯ ХЕЛЕНА-ДРАЙВ
БРЕНТВУД, КАЛИФОРНИЯ
США
ПЛАНЕТА ЗЕМЛЯ

Оказавшись на нужной улице, Смерть замедлила ход и начала поглядывать на номера домов. Адрес у посылки был странный, но Смерть и не подумала рассмотреть ее получше — эту коробочку в полосатой бело-розовой обертке с блестками. Судя по виду, оберткой этой пользовались не впервые. Украшал коробочку белый атласный бант. Купленный уже в готовом виде, он был приклеен к обертке прозрачным скотчем.

Посылка была размером восемь на восемь на десять дюймов, но весила каких-то несколько унций. Может, пустая? Или набита оберточной бумагой?

Нет. Если потрясти, сразу становится ясно — там, внутри, что-то есть. Что-то мягкое. Возможно, некий предмет, сделанный из ткани.

Ранним вечером 3 августа 1962 года Смерть позвонила в звонок дома 12305 на Пятой Хелена-драйв. Отерла вспотевший лоб бейсболкой, не переставая старательно жевать свою жвачку. Шагов внут-

ри слышно не было. Но нельзя же оставить эту чертову посылку на ступеньках. Надо, чтобы получатель за нее расписался.

Из-за двери доносился лишь приглушенный шум кондиционера. А может, радио? Домик был небольшой, одноэтажный, асьенда в мексиканском стиле — стены под необожженный кирпич, ярко-оранжевая черепичная крыша, окна с опущенными жалюзи, повсюду сероватая пыль. Миниатюрный, компактный, точно кукольный. Ничего особенного — конечно, с поправкой на район. Смерть настойчиво позвонила снова. На сей раз дверь отворилась.

Из рук Смерти я приняла этот дар. Пожалуй, я знала, что в коробке и кто ее прислал. Увидев имя и адрес, я залилась смехом и немедленно расписалась в получении.

Deborra

1932-1938

Поцелуй

Этот фильм я смотрю всю жизнь, но ни разу не досмотрела его до конца.

Лучше бы сразу сказала: «Этот фильм и есть моя жизнь!»

Первый раз мать взяла ее в кино, когда ей было года два или три. Первое воспоминание, и такое яркое! «Египетский театр» Граумана¹ на Голливудском бульваре. Лишь через несколько лет она в общих чертах поняла, о чем этот фильм. В первый же раз девочка была просто очарована непрерывным плавным движением на огромном экране, смотреть на который приходилось, запрокинув голову. Тогда она не могла еще сказать фразу «*То была сама вселенная, куда проецируются бесчисленные и безымянные формы жизни*».

Сколько раз в безрадостном детстве, а потом в отрочестве с трепетом пересматривала она этот фильм, и всегда он назывался по-разному, но многие актеры оставались прежними, и она их тут же узнавала. Потому что в фильме непременно была Принцесса-Блондинка и Темный Принц. Вихрь самых разнообразных событий то сводил их вместе, то разлучал. Снова сводил и снова разлучал, а потом, ближе к концу фильма, гремела драматичная музыка, и оба появлялись на экране, чтобы слиться в жарких объятиях.

Или не слиться, тут уж не угадаешь. Конец фильма не всегда бывал счастливым. Порой один из героев опускался на колени перед смертным одром второго и возвещал о финале жизни прощальным поцелуем. Даже если Принцесса переживала возлюбленного Принца (или наоборот), зрителю ясно было, что отныне жизнь ее не будет иметь никакого смысла.

Ибо жизнь имеет смысл лишь в кино.

А кино существует лишь в темном зале кинотеатра.

---

¹ Возможно, имеется в виду «Китайский театр» Граумана в Голливуде, названный по имени владельца и существовавший в 1930-е гг.

Однако как же досадно ни разу не увидеть конец фильма!

Потому что вечно что-то мешало. То в зале поднимался шум и зажигался свет. Громко верещала пожарная сирена (но без огня? был ли огонь? однажды ей показалось, что пахнет дымом), и всех просили покинуть зал. Или же она куда-то опаздывала, и приходилось уйти, так и не досмотрев до конца; или же просто засыпала в кресле, пропускала конец и просыпалась, рассеянно щурясь от яркого света, а незнакомые люди вокруг вставали с мест и начинали расходиться.

Как, фильм уже закончился? Не может такого быть!

И, даже став взрослой женщиной, она продолжала искать тот самый фильм. Проскальзывала в кинотеатры, расположенные в сомнительных районах города или даже в незнакомых городах. Она страдала бессонницей, а потому то и дело покупала билет на ночной сеанс. Или же на самый первый, поздним утром. Не то чтобы она искала отдохновения от собственной жизни (хотя жизнь ее изрядно потрепала, как треплет любого взрослого). В ее жизни кино скорее было интермедией — так ребенок пытается силой остановить бег времени, схватившись за стрелки часов.

Итак, она входила в темный зал (где зачастую стоял запах лежалого попкорна, чужой парфюмерии, дезинфицирующего средства), волнуясь, словно малое дитя, и жадно глядела на экран, где — о, снова! вот она! — раз за разом появлялась роскошная блондинка, над которой, казалось, не властно время. Блондинка из плоти и крови, но изящная, как ни одна женщина на свете. И глаза ее, и сама кожа лучились мощным сиянием. *Ибо кожа моя — это моя душа, и другой души у меня нет. Я всего лишь проекция людских желаний.* Итак, она проскальзывала в зал, выбирала кресло в первых рядах, поближе к экрану, и целиком погружалась в фильм, а тот казался одновременно знакомым и незнакомым — как часто повторяющийся сон, что никак не удается запомнить. Костюмы актеров, их прически, даже лица и голоса со временем менялись. В голове у нее проносились смутные обрывки детских воспоминаний. Одиночество, что она тогда чувствовала, от которого лишь частично могло избавить марево экрана. *Другой мир, в котором можно жить? Какой?*

В один прекрасный день — или даже час — она вдруг поняла, что Принцесса, которая прекрасна просто потому, что прекрасна и зовется Принцессой, обречена вечно искать в глазах смотрящих подтверждение своему существованию. *Ибо нельзя узнать, кто ты есть, пока тебе об этом не скажут. Разве не так?*

Взрослая женщина. Беспокойство и нарастающий страх.

Сюжет фильма страшно запутан и сложен, хотя и знаком. Или почти знаком. Возможно, пленку склеили небрежной рукой. Или же нарочно так сделали, чтобы пробудить в зрителе интерес. Возможно, настоящее перемежается в этом сюжете с обрывками прошлого. Или даже будущего! Крупные планы Принцессы, они чересчур интимны. Мы ведь предпочитаем оставаться снаружи, не влезать в шкуру других. *Если б я только могла сказать: Вот она! Это я! Эта женщина, это существо на экране, вот кто я!* Но ведь никогда не знаешь, чем все кончится. Она ни разу не видела ни заключительной сцены, ни титров. А ведь именно в них, если не считать финального поцелуя, и был ключ к тайне фильма, она это твердо знала. Как органы человека при вскрытии являются ключом к загадкам его жизни.

Но обязательно настанет время, возможно даже сегодня вечером, когда она, слегка запыхавшись, усядется в кресло с протертой и засаленной плюшевой обивкой, где-нибудь во втором ряду старого кинотеатра в богом забытом районе; и пол изогнется под ее ногами, как земной шар, и покажется неровным и липким под подошвами дорогих туфель. И народу в зале совсем немного, и почти все они сидят поодиночке; и она рада этому обстоятельству и тому, что за маскировкой — плащ, темные очки, красивый парик — ее никто не узнает; и никто из знакомых никогда не подумает, что она здесь, даже не догадается, где она сейчас.

Ну уж на сей раз я досмотрю до конца. На сей раз! Но почему, почему именно сейчас? Она понятия не имеет. Вообще-то, ее ждут в совершенно другом месте, она опаздывает уже на несколько часов; возможно, ее ждет машина, чтобы отвезти в аэропорт. А может, она опаздывает уже на несколько дней, недель, поскольку, став взрослой, перестала считаться со временем? *Ибо время есть то, чего ожидают от нас другие люди. Но необязательно играть в эту игру.*

А еще она заметила, что Принцесса тоже запуталась во времени. Запуталась в сюжете фильма. Ведь реплики для нее придумывают другие люди. Что, если на этот раз реплик не будет? В этом фильме Принцесса уже немного не та, что прежде. Уже не в том ослепительном расцвете молодости и красоты. Хотя, конечно, все еще очень красива. И на экране она такая белокожая и вся сияет, когда выходит из такси на ветреную улицу. Она замаскировала свою внешность, надел темные очки, гладкий каштановый парик, туго затянув плащ на талии. Камера неотступно следит за ней, пока она взбегает

по ступенькам, входит в кинотеатр и покупает билет, проскальзывает в темный зал и садится в кресло во втором ряду. И хотя она Принцесса, другие люди в зале скользят по ней взглядом, но не узнают. Принимают за обычную женщину, пусть даже очень красивую, но им незнакомую. Фильм только что начался. Через секунду она растворяется в происходящем и снимает темные очки. Голова ее запрокинута, глаза прикованы к светящемуся экрану, в них читается по-детски благоговейный трепет. Все происходящее на этом экране отражается на ее лице, словно на водной глади. Она с головой уходит в восхищенное созерцание и не видит Принца. Не замечает, что он вошел в кинотеатр следом за ней.

Вот на несколько напряженных минут он попадает в объектив камеры, стоит за потертыми бархатными шторами у бокового прохода. Красивое лицо в тени, выражение лица нетерпеливое. На Принце темный костюм без галстука, мягкая фетровая шляпа сдвинута на лоб. Звучит музыкальная тема Принца, он быстро подходит и наклоняется к ней, к одинокой женщине во втором ряду. Что-то шепчет ей на ухо, она вздрагивает, оборачивается. Похоже, она искренне удивлена, хотя сценарий ей известен. По крайней мере, до этого момента. И еще немножко из того, что будет дальше.

Моя любовь! Это ты!

Всегда только ты, и никто другой!

На лицах влюбленных мерцает отражение гигантского экрана, и лица эти исполнены смысла, возвещая о былом величии. Словно теперь, такие маленькие и смертные, Принц и Принцесса должны сыграть все ту же сцену. *Что ж, они ее сыграют.* Он впивается пальцами ей в шею, чтобы успокоить, удержать, заявить на нее свои права, владеть ею. Как сильны его пальцы и как холодны. Да они просто ледяные! Как странно, стеклянно, блестят его глаза. Так близко она их еще ни разу не видела.

И она, вздохнув, поднимает безупречно красивое лицо навстречу поцелую Принца.

Ванна

Прирожденный актер проявляется в раннем детстве. Поскольку только в самом раннем детстве мир воспринимается как великая Тайна. В истоках любой актерской игры лежит не что иное, как импровизация перед лицом Тайны.

«Парадокс актерского мастерства»

1

— *Видишь?* Этот человек — твой отец.

В тот день Норме Джин исполнилось шесть. Первый день июня 1932 года. И утро этого дня в Венис-Бич, что в штате Калифорния, выдалось волшебным, ослепительно-светлым и воздушным. С Тихого океана тянуло свежим и прохладным ветерком и еще чем-то вязущим на вкус, и запах гниющих на пляже отбросов и водорослей был сегодня едва заметен. И принесенная, казалось, самим этим ветерком, вдруг появилась Мать. Мать, с худым, немного вытянутым лицом, соблазнительно-алыми губами, подведенными черным карандашом бровями, приехала за Нормой Джин, жившей с бабушкой и дедушкой. Жившей на бульваре Венис, в рябой развалюхе с бежевыми оштукатуренными стенами.

— Норма Джин, иди-ка сюда!

И Норма Джин побежала, побежала к Матери! Ее маленькая пухлая ручка утонула в узкой изящной ладони, и прикосновение к черной сетчатой перчатке показалось таким необычным, новым, странным и волшебным. Ибо у бабушки руки были старые, загорбелые и шершавые, и пахло от бабушки старостью, а от мамы... от мамы пахло так сладко, так чудесно, как от разогретой дольки лимона с сахаром, и от аромата этого голова шла кругом.

— Норма Джин, любовь моя, иди же сюда!

Ибо Мать звали Глэдис, и Глэдис была *настоящей мамой* Нормы Джин. Когда, конечно, сама того хотела. Когда находила в себе достаточно сил. Когда позволял распорядок Студии. Поскольку жизнь Глэдис проходила «в трех измерениях на грани четвертого». Ее жизнь не была «плоской, точно доска для игры в парчи-

зи»¹, а ведь именно такой, плоской жизнью живет большинство людей. Невзирая на встревоженные и неодобрительные возгласы бабушки Деллы, мама торжествующе увела Норму Джин с собой, из квартиры на третьем этаже, провонявшей луком, щелочным мылом, мозольной мазью и дедушкиной курительной трубкой, а бабушка тем временем надрывалась, словно комик по радио:

— Глэдис, на чьей машине прикатила на сей раз, а? Посмотри-ка на меня, девочка! Ты что, не в себе? Ты *пьяная*, что ли? Когда вернешь мне внучку? Черт бы тебя побрал! Да погоди ты, дай хоть туфли надеть! Я тоже спускаюсь! Глэдис!

А Мать лишь спокойно откликнулась своим сводящим с ума сопрано:

— *Qué será, será!*²

И, хихикая, словно непослушные дети, за которыми гонятся взрослые, мать и дочь сбежали вниз по лестнице, как с горного склона, запыхавшись, продолжая держаться за руки. И вон, вон отсюда, на выход, на бульвар Венис, скорее к непредсказуемой машине Глэдис (страх как интересно, на чем она сегодня приехала), стоящей у тротуара. В то ослепительно-яркое утро 1 июня 1932 года волшебная машина, на которую, улыбаясь, точно замороженная, смотрела Норма Джин, оказалась горбатым «нэшем» цвета грязной мыльной воды, которой только что помыли посуду. На правом боковом стекле красовалась паутинка мелких трещин, наспех заклеенная липкой лентой. И все равно это была совершенно чудесная машина, и как молода и весела была Глэдис! Она так редко прикасалась к Норме Джин, а сегодня обняла ее обеими руками в сетчатых перчатках, приподняла и посадила на сиденье. «Опля!.. Вот так, детка, любовь моя!» Словно сажала ее в кабинку чертова колеса на пирсе в Санта-Монике и аттракцион должен был унести восхищенную Норму Джин прямо в небо. А потом громко хлопнула дверцей. Подергала и убедилась, что она заперта. (То был древний страх, страх Матери за Дочь. Что, если во время побега дверца вдруг распахнется, как распахиваются люки-ловушки в немых фильмах? И все, нет человека, пропала Дочь!)

Потом она уселась на водительское место, за руль — с тем же видом, с каким забирался Линдберг в кабинку своего моноплана

---

¹ *Паршизи* — старинная игра типа нард с доской и фишками, где очередность и продолжительность ходов определяются бросанием игральные костей.

² Что будет, то будет! (*исп.*)

под названием «Дух Сент-Луиса»¹. И взревела мотором, и переключила рукоятку скоростей, и влилась в поток движения. А бедная бабушка Делла, полная рябая женщина в линялом ситцевом халате, спущенных эластичных чулках и старушских шлепанцах, только выбегала в это время из дома. Вид у нее был до смешного ошалелый, точь-в-точь как у Маленького Бродяги в исполнении Чарли Чаплина.

— Подожди! Вот сумасшедшая. Идиотка, пьянь! Я тебе запрещаю! Я позвоню в по-ли-цию! Да подожди ты!..

Но ждать ее никто не стал, о нет.

Даже дышать было некогда!

— Не обращай внимания на бабушку, дорогая. Она еще немое кино, а мы с тобой — уже новое, звуковое.

Ибо Глэдис, *настоящую маму* Нормы, в этот особенный день просто распирало от Материнской Любви. Она наконец «почувствовала в себе достаточно сил» и к тому же сэкономила несколько баксов и потому смогла исполнить свою клятву и приехать к Норме Джин в день ее рождения (сколько ей? уже шесть? о господи, как же летит время, вот ужас-то!). И в тот момент вполне могла бы поклясться: «В солнце и в дождь, в болезни и в здравии, пока смерть не разлучит нас, клянусь!» Даже разлом Сан-Андреас² не смог бы остановить Глэдис, когда она пребывала в таком настроении. «Ты моя. Ты на меня похожа. И никто не отнимет тебя у меня, Норма Джин, — так, как отняли других моих дочерей».

Но тех ликующих и вместе с тем ужасных слов Норма Джин не услышала, нет, ибо их унесло порывом ветра.

Шестой день рождения будет первым в жизни Нормы Джин, который она запомнит во всех подробностях. Тот замечательный день с Глэдис, которая иногда становилась Матерью, или с Матерью, которая иногда была Глэдис. Стройной и быстрой в движениях женщиной-птичкой с цепким рыскающим взглядом и, как она сама выражалась, «хищной улыбкой». И острыми локотками, которыми всегда могла ткнуть под ребра, если ты слишком нарывался. А когда она выпускала белый табачный дым из ноздрей, отчего становилась похожей на слона с двумя изогнутыми бивнями, просто невозможно было назвать ее никаким словом, и уж тем более

¹ На этом самолете знаменитый американский летчик Чарльз Линдберг совершил в мае 1927 г. беспосадочный перелет через Атлантику.

² Разлом в земной коре длиной около 94 километров, проходит от северо-запада Калифорнии до пустыни Колорадо.

«мамочкой» или «мамулечкой» — всеми этими сопливыми словечками, на которые Глэдис давным-давно наложила запрет. Даже рассмотреть ее как следует было невозможно. «Нечего на меня пялиться, слышишь? Никаких крупных планов, пока я не готова!» В такие моменты скрипучий смешок Глэдис напоминал звук, с которым колют лед для коктейля.

Этот день откровения Норма Джин будет вспоминать всю свою жизнь, на протяжении тридцати шести лет и шестидесяти трех дней. Глэдис переживет свою дочь, словно матрешка, спрятанная в другой матрешке, побольше. *Нужно ли мне было другое счастье? Нет, ничего не нужно, только бы быть с ней. Ну, разве что приласкаться немножко и поспать в ее постели, если она, конечно, пустит. Я так ее любила!* Вообще-то, существуют доказательства, что Норма Джин проводила с матерью и другие дни рождения. Первый уж точно, однако сама Норма Джин помнила о нем лишь по фотографиям — **НОРМЕ ДЖИН 1 ГОД. СЧАСТЛИВОГО ДНЯ РОЖДЕНИЯ, ДЕТКА!** — эта надпись, сделанная вручную, украшала бумажную ленту, накинутую через плечо, как это бывает на конкурсах красоты, на девочку-младенца с херувимским личиком-луной. Влажно блестящие глаза, ямочки на щечках, атласные ленты, вплетенные в темно-русые локоны; словно старые сны, снимки эти были смазанные, выцветшие, и сделал их, по всей очевидности, приятель матери. На них же была очень молодая и весьма миловидная, хоть и явно взбудораженная Глэдис с перманентом, мелко взбитыми кудряшками, и пухлыми красными губами — точь-в-точь как у Клары Боу. На коленях у нее сидел годовалый пупс по имени Норма Джин, и Глэдис крепко держала дочку, как держат что-то очень хрупкое и драгоценное, если не с радостью, то с благоговением, если не с любовью, то с гордостью. А на обратной стороне этих нескольких снимков была нацарапана дата: 1 июня 1927 года. Однако шестилетняя Норма Джин помнила об этом событии не больше чем о самом факте своего рождения. И еще ей все время хотелось спросить Глэдис или бабушку: «А как рождаются, сами по себе?» Спросить мать, на долю которой выпали двадцать два часа «сущего ада» (именно так обычно Глэдис называла это испытание), проведенные в бесплатном родильном отделении лос-анджелесской окружной больницы, и которая таскала ее в «специальном мешке» под сердцем на протяжении восьми месяцев и одиннадцати дней. Ну откуда такое помнить!

Однако Норма Джин с замиранием сердца вглядывалась в эти снимки, когда на Глэдис находило соответствующее настроение

и она вдруг вываливала их на кровать в какой-нибудь очередной съемной квартирке. Норма ни разу не усомнилась в том, что этот пухлый пупс — она сама. *Точно всю свою жизнь я буду узнавать о себе через свидетельства других людей. Как Иисус в Евангелии, которого видели, обсуждали и описывали лишь со стороны. Я обречена знать о своей жизни и ее ценности только по впечатлениям других людей, которым, в отличие от собственных, могу доверять.*

Глэдис поглядывала на дочь, которую не видела... ну, пожалуй, уже несколько месяцев. Резко одергивала ее:

— Ну что ты вся изнервничалась! Нечего коситься на меня, словно я вот-вот разобью машину, иначе докосишься до того, что тебе пропишут очки, а очки — это последнее дело! И не извивайся, как змейка, которой приспичило в туалет. Разве я учила тебя таким плохим манерам? И я не собираюсь разбивать машину, если именно это тебя беспокоит, как твою ненормальную бабулю. *Обещаю!* — И Глэдис снова посмотрела на дочь краем глаза, и взгляд ее был ребячливым и одновременно притягательным, ибо именно такова была по сути своей Глэдис: она то отталкивала, то притягивала тебя; а теперь говорила низким хрипловатым голосом: — Знаешь, на день рождения мама приготовила тебе сюрприз. Наберись терпения, скоро увидишь.

— С-сюрприз?..

Втянув щеки, Глэдис с загадочной улыбкой продолжала вести машину.

— А к-куда мы едем, м-мама?

Ощущение счастья было столь острым, что обернулось во рту Нормы Джин осколками стекла.

Даже в теплую и влажную погоду Глэдис носила стильные черные сетчатые перчатки, чтобы защитить чувствительную кожу. Она весело хлопнула обеими руками в перчатках по баранке:

— Куда едем? Нет, вы слышали? Будто ты никогда не была у мамы в голливудской резиденции.

Норма Джин смущенно улыбнулась. И попыталась вспомнить. Неужели была? Получалось, будто она, Норма Джин, забыла что-то очень важное. Это было почти как предательство. Но ведь Глэдис очень часто переезжала. Иногда уведомляла об этом Деллу, иногда — нет. Жизнь ее была очень сложной и таинственной. Вечно возникали проблемы с домовладельцами и соседями по дому; бывали «денежные» проблемы и проблемы «хозяйственные». Прошлой зимой короткое, но мощное землетрясение в том районе Гол-

ливуда, где проживала Глэдис, на целых две недели лишило ее крова. Вынудило поселиться у друзей, и на какое-то время связь ее с Деллой полностью оборвалась.

Тем не менее Глэдис всегда жила только в Голливуде. Или Западном Голливуде. Этого требовала работа на Студии. Потому что она находилась «на контракте» (Студия была самой крупной кинокомпанией в Голливуде, а следовательно — и во всем мире. Считалось, что звезд, работающих по контракту, у них «было больше, чем во всех небесных созвездиях»). Ее собственная жизнь ей не принадлежала — «ну, как католическим монахиням, которые являются невестами Христа». А потому Глэдис была просто вынуждена отдать Норму Джин на воспитание, когда девочке исполнилось всего двенадцать дней от роду. Большую часть времени Норма проводила с бабушкой — за пять долларов в неделю плюс дополнительные расходы; жизнь так чертовски тяжела, так изнурительна, так *глупа*, но другого выхода у Глэдис просто не было, ведь она, точно проклятая, часами вкалывала на Студии, иногда даже в две смены, была у начальника на побегушках. Так разве могла она взять на себя столь непосильную ношу — заботиться еще и о малом ребенке?

— И пусть хоть кто-то попробует осудить меня за это! Ну разве что он в моей шкуре. Вернее, *она*. Да, именно *она*!

Глэдис говорила с непостижимой горячностью. Наверное, продолжала вести вечный спор с Деллой, своей матерью.

Когда они ссорились, Делла называла Глэдис ненормальной — или наркоманкой? — и Глэдис тут же начинала кричать, что это наглая ложь и грязные слухи; да она в жизни своей не то что не курила — ни разу даже не нюхала дыма марихуаны. «А уж что касается опиума, так тем более! Никогда!» Просто Делла наслушалась нелепых и ничем не обоснованных сплетен о людях, работающих в кино. Да, верно, Глэдис иногда заводилась. *Прямо как огонь какой жжет изнутри. Здорово!* Что правда, то правда, иногда Глэдис была подвержена приступам меланхолии, «впадала во мрак», «доходила до ручки». *А душа точно превратилась в расплавленный свинец, вытекла и затвердела.* Тем не менее Глэдис была молодой и привлекательной, и у нее было полно друзей — мужского пола, и эти друзья выбивали ее из душевного равновесия. «Если б парни оставили меня в покое, Глэдис была бы в полном порядке». Но этого не происходило, и потому Глэдис сидела на таблетках. Какие-то лекарства ей прописывали доктора. Другие, наверное, приносили все те же парни. Нет, она признавала, что часто принимает байеровский

аспирин и даже успела приобрести к нему высокую толерантность: сыпала таблетки в черный кофе, словно крошечные кубики рафинада, — «И никакого привкуса!».

В то утро Норма Джин сразу заметила, что Глэдис «в ударе»: рассеянная, взвинченная, веселая, непредсказуемая, как пламя свечи на сквозняке. От бледно-восковой кожи, казалось, исходят волны жара, как от нагретого летним солнцем асфальта, а глаза, эти глаза!.. Игривые, стреляющие по сторонам, с расширенными зрачками. *Эти глаза я очень любила. Не было сил в них смотреть.* Глэдис и машину вела рассеянно, но очень быстро. Ехать в машине с Глэдис — это все равно что кататься на автодроме, держись крепче. Они ехали в другую сторону от Венис-Бич и океана. К северу, по бульвару к Ла-Синеге, и наконец оказались на бульваре Сансет — Норма Джин узнала его, ибо они с мамой здесь уже проезжали. А горбатый «нэш», погромыхивая, мчался все быстрее, и Глэдис пришпоривала его, не снимая ноги с педали газа. Их трясло, когда машина переезжала трамвайные пути, в последнюю секунду тормозили они на красный свет, и зубы у Нормы Джин стучали, а сама она нервно хихикала. Иногда машина Глэдис врывалась на перекресток, прямо как в кино, сопровождаемая возмущенным хором гудков, криками и гневными жестами водителей. В том случае, конечно, если водители эти не были мужчинами, сидевшими в машинах в одиночестве, тогда гудки были не такими уж возмущенными. И Глэдис не раз игнорировала свисток полицейского и мчалась дальше — «Да что я такого сделала! Не собираюсь я идти на поводу у этих наглецов!».

Делла в присущей ей шутивно-сердитой манере часто ворчала, что Глэдис «посеяла» свои водительские права, что значило... Но что бы это значило? Просто потеряла, как люди теряют всякие другие вещи? Куда-то сунула и не может найти? Или же какой-то полицейский отобрал эти права, чтобы наказать Глэдис, когда Нормы Джин не было рядом?

Одно Норма Джин знала точно: она никогда не осмелится спросить об этом у Глэдис.

Они свернули с Сансет-бульвара на боковую улицу, затем еще раз свернули и наконец оказались на Ла-Меса, узкой неприглядной улочке, застроенной маленькими офисами, закусочными, коктейль-барами и жилыми многоквартирными домами. Глэдис сказала, что это ее «новый район, пока что я его осваиваю, но здесь мне *очень по душе*». Кроме того, от дома до Студии «всего шесть минут

Оутс Дж. К.

О 90   **Блондинка** : роман / Джойс Кэрролл Оутс ; пер. с англ. Н. Рейн. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2021. — 928 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-19208-9

Мэрилин Монро — девушка-легенда, Принцесса-Блондинка, неотражимая кинодива, подлинно культовая фигура XX века. Ее жизнь была похожа на сказку — порой невыносимо страшную, порой волшебную, полную невероятных чудес. Ее короткая и блестящая жизнь легла в основу многих произведений, о ней были написаны десятки книг. Однако ни одна из них не идет ни в какое сравнение с романом известной американской писательницы Джойс Кэрролл Оутс.

«Блондинка» — это не сухая биография знаменитой кинозвезды.

«Блондинка» — это художественный роман о хрупкой американской девушке по имени Норма Джин Бейкер, отдавшей всю себя без остатка сверкающему беспощадному миру Голливуда.

«Блондинка» — это увлекательный, драматичный, неприкрашенный рассказ о жизни Звезды, освещающий самые темные уголки человеческого сердца.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ДЖОЙС КЭРОЛ ОУТС
БЛОНДИНКА

Ответственный редактор Кирилл Красник
Редактор Андрей Полошак
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Ирина Киселева, Наталья Бобкова

Подписано в печать 28.05.2021. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 58. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.

www.pareto-print.ru

Y-BRM-27915-01-R